

хивов сделает полноценным и достоверным изучение истории ссылки (с. 27–42).

К отражению вопросов совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства на страницах периодических изданий обращается С.Л. Курас, подчеркивая сходства и различия, сильные стороны и упущения в подходах к проблеме дореволюционной и современной прессы (с. 42–50).

Аналізу научной деятельности одного из видных исследователей истории сибирской социал-демократической ссылки П.З. Курусканова посвящена статья Н.П. Курускановой (с. 50–58).

В работе Ю.А. Петрушина и А.А. Якимовой обозначены основные вехи истории российских корейцев. На основании контент-анализа данных Книг памяти жертв политических репрессий авторы исследуют численность и социальный состав невинно осужденных в 1930-х гг. корейцев в Приангарье (с. 59–81).

Необходимо отметить материал авторов из Республики Бурятия Д.Б. Фартусова, Б.В.

Хабитуева, Д.Ф. Дерюгина, Н.Д. Овечкина, Е.И. Александровой о методике создания сайта Книги памяти. Разработка электронных баз данных сибирских ссылных всех временных периодов — дело новое и, безусловно, крайне необходимое для дальнейшего успешного изучения нашего предмета (с. 81–89).

Как видим, «ссылная» тема, несмотря на многолетнее существование, далека до своего завершения, а отдельные ее сюжеты только начинают изучаться.

Напомним, что сборник имеет собственный интернет-сайт *www.penpolit.ru*, где с 2009-го года размещено более сотни разнообразных исследований.

Литература

1. Сибирская ссылка: Сборник научных статей / отв. ред. Л.М. Дамешек, А.А. Иванов, С.И. Кузнецов. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2017. Вып.8 (20). – 560 с.

УДК 93/96

Коренные малочисленные народы севера Восточной Сибири в 1985–2009 гг.: проблемы и пути их решения

В.А. Кудашкин^а, И.В. Суман^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко 40, Братск, Россия

^аkudashkinslava@rambler.ru, ^бzem.suman@yandex.ru

Статья поступила 8.05.2017, принята 11.06.2017

В статье анализируются актуальные социальные, экономические и бытовые проблемы, с которыми столкнулись коренные малочисленные народы севера Восточной Сибири в годы перестройки и постсоветский период. Выделены и описаны наиболее характерные причины возникновения данных проблем, предложены возможные пути их решения. Привлекая убедительную аргументацию, авторы делают вывод о необходимости кардинального изменения государственной национальной политики, результатом чего должно стать неукоснительное исполнение федеральных целевых программ в отношении коренных народов, проживающих на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы; кризис традиционного хозяйствования; социальная маргинализация; федеральные целевые программы.

Indigenous smaller peoples of the north of Eastern Siberia in 1985–2009: problems and solutions

V.A. Kudashkin^a, I.V. Suman^b

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

^akudashkinslava@rambler.ru, ^bzem.suman@yandex.ru

Received 8.05.2017, accepted 11.06.2017

The article analyzes current social, economic and everyday problems of indigenous smaller peoples of the north of Eastern Siberia in the period of perestroika and the post-Soviet period. The most typical causes of these problems are identified and described. Possible ways of their solutions are suggested. Drawing a convincing argument, the authors conclude that there is a need for a drastic change in state national policy, which should result in strict implementation of federal target programs for indigenous peoples living on the territory of the Russian Federation.

Key words: indigenous smaller peoples; crisis of traditional management; social marginalization; federal target programs.

Тематика научных исследований, связанных с коренными малочисленными народами Севера (КМНС), имеет множество аспектов, но особую актуальность имеет изучение социальных, экономических и бытовых проблем, стоящих перед данной категорией населения России.

Распад СССР неоднозначно сказался на развитии коренных народов Восточной Сибири. С одной стороны, в постсоветский период наблюдается ренессанс национальной культуры: возрождаются народные праздники, в том числе религиозные, забытые в советский период, повышается интерес к традиционным отраслям хозяйства, получают развитие появившиеся еще в годы перестройки различные общественные движения и организации, что, безусловно, способствует консолидации малочисленных народов для отстаивания своих интересов в новых политических и экономических условиях.

С другой стороны, упадок экономики в целом по стране и неудачные реформы 1990-х гг. негативно сказались на социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов России. В постсоветский период произошло очевидное снижение уровня жизни, выросла безработица, увеличилось потребление алкоголя, существенно упала продолжительность жизни [1].

Для того чтобы понять сложные и неоднозначные процессы, происходящие в жизни коренных народов Восточной Сибири на

рубеже XX–XXI вв., необходимо обратиться к истокам различных социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в рассматриваемый период.

Основные причины негативных последствий политики государства в отношении КМНС — это насильственное внедрение определенных жизненных ценностей и слишком быстрые темпы преобразования традиционного уклада, привычного образа жизни. Как следствие, КМНС лишились национальной самобытной культуры, не получив равноценной замены [2]. Кроме того, в постсоветский период были выработаны определенные методы управления развитием народов Севера, хотя специфика их проблем не была достаточно изучена и не в полной мере учитывалась практикой. КМНС были лишены привычной среды и не смогли вписаться в новую, не приспособились к современным реалиям. Среди побочных эффектов такой ситуации безработица, рост самоубийств и психических заболеваний, алкоголизм и т. д. [3].

Постсоветский период ознаменован рядом социально-экономических преобразований, неизбежно отразившихся на демографических показателях изучаемых народов. Особого внимания заслуживают следующие проблемы:

1) снижение экономических показателей в регионах проживания КМНС и невозможность ведения традиционного хозяйства;

2) низкий уровень жизни;

3) ухудшение снабжения топливом, техникой, продуктами питания и товарами первой необходимости;

4) отсутствие востребованных услуг в сфере медицины, образования и подготовки профессиональных кадров;

5) отсутствие интереса к национальной культуре и родному языку.

Отечественный и зарубежный опыт свидетельствует о неизбежном процессе ассимиляции коренного малочисленного населения. В связи с этим проблема этнического выживания КМНС была и остается важной государственной задачей, что доказывает актуальность данного исследования.

Еще в 1980-е гг. ученые, занимающиеся проблемами малочисленного населения Севера, с тревогой отмечали, что «среди интеллигенции представителей КМНС половину составляют учителя, 13 % — врачи, 4 % — культпросветработники. При этом юристов, экономистов, инженеров — единицы. За целое десятилетие ситуация не улучшилась, и к концу 1980-х гг. из 200 педагогов [из среды] коренных народов только 60 человек могли вести занятия на родном языке» [4].

В условиях современной национальной политики России постоянно декларируется повышенное внимание к сфере образования, на деле же многочисленные исследования обозначают совершенно иные причинно-следственные взаимосвязи и выводы.

Обучение детей ведется, как правило, по общегосударственным школьным программам, что способствует культурной ассимиляции подрастающего поколения, приводит к немотивированному отсеву, формальному получению образования и отсутствию мотивации к его продолжению.

Система школ-интернатов испытывает недостаток педагогических кадров, к тому же, школы не укомплектованы в должной мере учебной и учебно-методической литературой, пособиями для внеклассного чтения на родных языках малых народов. Отсутствует педагогическая практика обучения на родном языке, поскольку не проводится подготовка необходимых кадров. Представители коренных народов, получившие направление в педагогические вузы и училища, крайне редко возвращаются в

родные места, предпочитая оставаться в крупных городах, где уровень жизни несоизмеримо выше [5]. Особой проблемой до сих пор является обучение родному языку, который изучают в школах (в целом по регионам Севера) не более 50 % учащихся. В то же время, в середине 1980-х гг. отмечался рост этнического самосознания на фоне возрождения культуры, проявлялся интерес к старинным обычаям, легендам и сказкам, которые сохраняли местные старожилы.

Воспитание детей в отрыве от родителей в течение 8–10 лет приводило к разрушению семей аборигенов, их традиций и вносило дисгармонию в отношения между поколениями. Сама система образования у коренных малочисленных народов до сих пор не отличается высокой эффективностью, поскольку не учитываются преобладание разного мышления, качественное отличие культурно-предметной среды в формировании личности, непосредственно деятельный характер традиционных форм обучения и воспроизводства культуры [6].

В 1991 г. была принята федеральная целевая программа «Дети Севера», направленная на улучшение медицинского обеспечения, образования, культурное и спортивное развитие КМНС. Благодаря данной программе в области культурного развития и воспитания, а также развития физкультуры и спорта не только был организован развивающий досуг детей и подростков, но и, с учетом их активного участия, возрождались традиционные виды художественного творчества народов Севера, проводились выставки, фестивали, олимпиады, спортивные праздники.

В сельском хозяйстве все более снижался удельный вес традиционных отраслей хозяйства КМНС. Слабо развивались оленеводство, рыболовство, охота, сбор дикоросов, почти исчезли морской зверобойный промысел, животноводство, овцеводство. С начала 1990-х гг. происходил постепенный спад традиционных отраслей хозяйства, и сегодня они находятся в тяжелейшем положении [7].

Причин для упадка данных отраслей хозяйствования было предостаточно. Охота слабо развивалась в связи с отменой госзакупок, оленеводство — из-за распада некоторых совхозов и краха фермерских хозяйств.

Промышленное освоение Севера обусловило значительное сокращение площадей пастбищ и промысловых угодий, загрязнение и отторжение значительных территорий, подорвало промышленное рыболовство. Важной причиной упадка стало ухудшение экологии в связи с развитием нефте- и газодобычи на Севере и в Сибири.

Статистические данные за 1989 г. показывают рост рождаемости у КМНС, но они же демонстрируют рост смертности [8]. С 1990 г. наблюдается устойчивая тенденция к сокращению общей численности коренных народов Севера почти во всех районах их проживания, в том числе ввиду высокой младенческой смертности.

Среди основных причин высокой смертности населения болезни органов кровообращения, злокачественные новообразования, алкоголизм, несчастные случаи, травмы и отравления. От алкоголизма (более 80 % всех смертей) погибали в основном молодые люди в возрасте 15–29 лет. Нужно отметить, что тема патологического влечения коренных малочисленных народов к спиртному волнует ученых не первое столетие. Предрасположенность к алкоголизму объясняли особенностями рациона, генетически обусловленной спецификой метаболизма и ферментов, но влечение аборигенов к алкоголю, на наш взгляд, также имеет ряд причин иного характера, в том числе:

1. Социальная дезадаптация, перестройка мотивационной сферы личности.

2. Интересы многочисленных коммерческих структур, через которые на население КМНС хлынул поток алкоголя. Напряженная социально-экономическая ситуация увеличивает число тех, для кого опьянение служит средством для снятия стресса. Поскольку алкогольная зависимость у малочисленных народов проявляется весьма своеобразно (по медицинским и социальным признакам), в литературе даже возник термин «северный алкоголизм».

3. Разрушение традиционного образа жизни. Пока малочисленные народы обитали на кочевых стоянках и разводили оленей, у них просто не было ни времени, ни возможности употреблять алкоголь, так как необходимо было постоянно следить за стадом

и жилищем. После разрушения традиционного уклада необходимость в этом отпала.

4. Интенсивное общение с «пришлым» населением: чем больше количество разнообразных контактов, тем активнее распространяется алкоголизм. Из этого последовало стремление некоторых категорий северных народов к уединению, подальше от людей и соблазнов.

Согласно распространенному стереотипу, «человек на Крайнем Севере живет в условиях психосенсорной депривации, по-другому называемой “синдромом полярного напряжения”. Организм работает в условиях постоянного стресса. Поэтому повышенные дозы алкоголя, обычно употребляемые северянами, не наносят особого вреда». Однако с этим утверждением нельзя согласиться, поскольку у большинства коренных жителей Севера генетически отсутствует защита от отравления алкоголем, и зависимость может возникнуть уже после нескольких приемов спиртного [9]. Проблема усугубляется тем, что предрасположенность к алкоголизму у северян намного выше, чем у жителей низких широт. Врачи-наркологи даже ввели в обиход специальный термин — «северный ген». У жителей тундры иначе устроен обмен веществ, их организм не вырабатывает достаточного количества ферментов, необходимых для расщепления этилового спирта. Поэтому коренному населению тундры, генетически не приспособленному к потреблению алкоголя, он наносит значительно больший вред, чем жителю средней полосы.

Реальный уровень заболеваемости на Севере оказался намного выше, чем отражала статистика. Причина проста: представители коренных народов обращались за медицинской помощью только в самых крайних случаях из-за труднодоступности этой помощи. Одна из серьезных проблем для организма в условиях холодного климата — повышенное употребление углеводов. Большое количество углеводов содержится в дешевых конфетах, печенье, сладостях и быстрорастворимой лапше. Казалось бы, эти продукты идеально подходят при кочевом образе жизни из-за продолжительного срока хранения, но генетическое неприятие углеводной пищи вызывало у представителей коренных наро-

дов серьезные заболевания, такие как гипертония, ишемическая болезнь сердца, диабет и др. Чтобы решить эту проблему, ученые разработали целую линейку продуктов на основе местного сырья, лишайников, мхов и ягод [8].

К сожалению, в период 1990–1997 гг. статистика по КМНС не велась. Отсутствуют показатели, касающиеся демографии, состояния традиционного хозяйства, поголовья оленей, производства оленины, госзакупок пушнины, клеточного звероводства. Имеющиеся данные в основном касаются округов в целом, но не конкретных коренных народностей.

После распада СССР колхозно-совхозная система хозяйства пришла в упадок и была официально упразднена. В ряде регионов произошла ликвидация прежних хозяйственных структур (совхозы, колхозы, промхозы), и на смену им пришли иные, более эффективные формы хозяйствования. Сказывалась также сложность рыночных отношений, в которые традиционные отрасли хозяйства не вписывались [10]. Традиционное хозяйство и рынок оказались несовместимы, между тем, оленеводство, охота, рыболовство и т. п. — это основа жизнеобеспечения КМНС, и к ним нельзя было подходить с мерками рыночной экономики.

После распада колхозно-совхозной системы прекратилось регулярное транспортное сообщение между обитателями тайги и оседлым эвенкийским населением. Жители отдаленных таежных поселков оказались практически отрезанными от внешнего мира [11]. При этом доход и рацион многих эвенкийских семей по-прежнему зависели от оленеводства и охотничьего промысла.

Вопрос о правах на природные ресурсы неизменно остается ключевым для представителей коренных народов. В разных регионах Севера приходилось встречаться с ситуацией, когда намерения аборигенных общин организовать свое хозяйство на «пустующих» территориях сталкивались с интересами промышленников.

Роль промыслов как экономической деятельности резко возросла в условиях кризиса. Освоение новых природных ресурсов потребовало разработки правовых систем, регулирующих их использование [12]. Существ-

вовавшая в исследуемый период правовая база позволяла распоряжаться природными ресурсами региона, никак не принимая в расчет интересы коренного и местного населения. Тем не менее, в обществе успело укрепиться убеждение, что обеспечение права на владение и свободное пользование ресурсами своей территории в рамках традиционного хозяйства является необходимым условием сохранения и развития коренных малочисленных народов.

В традиционных отраслях хозяйства была занята лишь небольшая часть трудоспособного населения КМНС, что связано, в том числе, с закрытием ряда рыбообрабатывающих предприятий, а также с отсутствием собственных угодий. Безработица стала бичом коренного населения, главным образом молодежи.

Отмечалась высокая стоимость продовольственных товаров. Нередко зарплату выдавали продуктами питания по еще более высоким ценам, хотя их качество оставляло желать лучшего. На окраинах северных территорий имелись проблемы с обеспечением техникой и продовольствием, относительно бесперебойная доставка осуществлялась только в районные центры и в школы-интернаты, находившиеся в труднодоступных регионах [13]. Торговая сеть и продовольственные базы испытывали нехватку специализированных транспортных средств. Таким образом, полноценная система продовольственного снабжения сохранилась лишь в местах компактного проживания КМНС, в крупных населенных пунктах, где была налажена доставка водным или воздушным транспортом.

До 1991 г. действовали меры государственной поддержки для решения проблем с обеспечением продовольствием и одеждой населения, проживающего в труднодоступных северных районах. Доставка товаров первой необходимости требовала не только значительных сил и средств, но и соблюдения оптимальных сроков — сухое молоко и прочие скоропортящиеся продукты успевали испортиться, так и не попав к потребителям [14].

В начале 2010-х гг. были зарегистрированы первые случаи ожирения у представителей коренного населения Севера. Причина

этого — неправильный рацион питания кочевников, претерпевший изменения за последнее десятилетие. Жители тундры стали питаться так называемыми сублимированными продуктами, содержащими большое количество консервантов и красителей, но организм тех же ненцев и энцев физически не способен усвоить потребление в таких объемах искусственных добавок и сахара.

Ввод в действие школ, больниц и детских учреждений сократился на 20–50 % [15]. Из-за нехватки средств стали недоступны учебные заведения, находящиеся за пределами региона проживания. Многие семьи вынужденно отказывались от оседлого образа жизни и шли на промыслы. Дети были задействованы в традиционном ведении хозяйства, а, значит, не могли круглогодично обучаться в школе. Оздоровление и нормальное питание было доступно только в интернатах и детских лагерях, куда ребятишек отправляли на лето.

Традиции оленеводства как части местной сельскохозяйственной отрасли были полностью утрачены. Оленеводы для поддержки семей становились рыбаками. Этот вынужденный выбор был связан с отсутствием работы в поселках, высокими ценами на продукты питания и одежду, а также с распространением преступности и алкоголизма среди местных жителей. Низкая юридическая грамотность многих представителей КМНС не позволяла им получить квалифицированную консультацию для оформления льгот на получение гарантированных государством выплат и пособий.

После ликвидации совхозов в 1991 г. стада оленей перешли в личную собственность отдельных семей, являющихся самостоятельными хозяйственными единицами. Судя по данным за 1999 г., оленеводы в основной своей массе числились безработными и, естественно, не получали заработной платы. В 2002 г., во многом благодаря инициативе главы администрации А.Ю. Давиндук, в п. Советская Речка (Туруханский район Красноярского края) была зарегистрирована семейная (родовая) община коренных малочисленных народов Севера (эвенков) «Олдомон». По целевой программе краевой ассоциации КМНС члены общины получали по 1 000 рублей в месяц [4].

Во времена СССР вьючно-верховое оленеводство оказалось ненужным и стало востребованным лишь в 1990-е гг., чтобы облегчить условия жизни людей, однако необходимые знания и навыки были утрачены. На сегодня уже не существует столь острой необходимости в возрождении этого промысла. Вьючно-верховое использование оленей нашло себе замену с появлением лодочных моторов и увеличением роли передвижения по водным путям, возрастанием важности рыболовства в системе жизнеобеспечения. В отличие от общего положения оленеводства в целом, дальнейшая судьба которого в той или иной степени внушает оптимизм, восстановление езды верхом и использование оленей под вьюк уже не представляется возможным [3].

С начала 2000-х гг. стали практиковать вахтовый метод, когда оленеводы постоянно перемещались между стойбищем и поселком. Рынок сбыта продукции оленеводства практически отсутствовал, и перспективы роста поголовья скота были ограничены. Постсоветские реформы и последующий социально-экономический кризис в очередной раз трансформировали хозяйство и образ жизни эвенков: произошел распад системы снабжения и дезорганизация охотничьего промысла, а поголовье домашних оленей сократилось почти в 16 раз [7].

Однако оленеводство пришло в упадок не во всех областях Сибири. Например, в упоминавшемся Туруханском районе Красноярского края этот элемент хозяйствования остается востребованным, так как в условиях общероссийского экономического кризиса олений транспорт является чуть ли не единственным средством освоения территорий [3].

В условиях перехода страны к новым рыночным отношениям после распада СССР, разгосударствления и приватизации государственной собственности, расформирования сельскохозяйственных предприятий и создания фермерских хозяйств попытка коммерциализации традиционного хозяйства и создание национальных предприятий, а в последующем и общин коренных малочисленных народов Севера потерпела неудачу [7]. Без стартового капитала на приобретение необходимого оборудования, без бюджетного финансирования социальной

инфраструктуры национальных поселений, без рынка сбыта продукции вновь создаваемые национальные предприятия и общины коренных малочисленных народов не выдерживали конкуренции и разорялись. Коренные малочисленные народы Севера оказались не приспособленными к рыночным отношениям [13].

Режим патернализма, «всесторонней социально-экономической помощи народам Севера» сменился режимом предоставления самостоятельности в организации своего развития за счет собственных усилий при провозглашенном формальном равенстве прав и возможностей с другими народами и сохранении у государства всех прав на природные ресурсы. Однако нельзя однозначно негативно оценивать политику государства в отношении КМНС. На федеральном уровне были разработаны программы развития малых народов, определены пути и формы этого развития, обеспечено определенное финансирование. Данная практика сохраняется и в наши дни, что, опять-таки, нельзя оценивать однозначно: с одной стороны, государственная поддержка необходима, а с другой стороны, она порождает иждивенчество и порой граничит с диктатом, лишая КМНС самостоятельности и права на собственный выбор [7].

Для перелома негативных тенденций в социально-экономическом развитии КМНС правительством РФ была предпринята попытка использовать программно-целевой метод решения названных проблем. За годы реформ осуществлен ряд конкретных мер на законодательном уровне, в том числе утверждены следующие программные документы:

- Государственная программа развития экономики и культуры коренных народов в 1991–1995 годах (выполнена частично из-за низкого уровня финансирования);

- федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2000 года» (профинансирована всего на 5–7 % от общего объема);

- федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера до 2008 года».

Основной целью указанных программ было создание условий для устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера на основе укрепления традиционного жизнеобеспечения [16]. В качестве сопутствующих целей, в частности, указывались развитие транспортной, энергетической, информационно-коммуникационной инфраструктуры на территориях традиционного проживания КМНС и повышение роли КМНС в решении вопросов местного самоуправления, традиционного природо- и землепользования и многое другое. Ожидалось снижение безработицы, повышение уровня благоустройства жилья, создание сети факторий и других снабженческо-сбытовых сельских кооперативов.

Результаты выполнения программных мероприятий показали, что их реализация всего лишь сдерживала кризисные явления в экономике и социальной сфере, затрагивающие интересы коренных малочисленных народов Севера, отчасти способствовала воссозданию традиционного хозяйственного уклада, улучшению транспортной доступности мест традиционного проживания, обеспечению их электро- и водоснабжением, профилактике заболеваний и повышению уровня образования. Сохранялись незначительные темпы роста в экономике, повышению уровня и улучшению условий жизни КМНС.

К сожалению, в конечном результате эти программы были признаны малоэффективными, так как по итогам 2006 г. ни один из целевых индикаторов и показателей не был выполнен полностью.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что национальная политика в отношении коренных малочисленных народов была сведена к принятию государственных целевых программ, мероприятия которых требовали постоянных доработок и согласований; не были структурно учтены некоторые особенности проживания аборигенов — удаленность, численность и т. д., что делало процесс финансирования несбалансированным. Поэтому начиная с 2009 г. система оказания государственной поддержки развития КМНС была изменена в пользу целевых субсидий из бюджета субъектов РФ, где проживают коренные народы Севера. 10 марта 2009 г. вышло постановление правительства

РФ № 217, которое определяет бюджетную политику субъектов РФ в отношении коренных малочисленных народов.

Литература

1. Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2002. № 28. С. 188-213.

2. Винокурова Л.И., Романова Е.Н. Земля коренных народов Якутии: Сакральная территория, право на землю и современное законодательство // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2002. № 28. С. 120-132.

3. Воробьев Д.В. Современное оленеводство эвенков советской речки // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2007. № 33. С. 164-187.

4. Данахо Б., Истомин К.В. Изменение практики регулирования доступа к природным ресурсам у оленеводческих народов Сибири // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2007. № 33. С. 128-163.

5. Ковешников А.А. Культуральные факторы в генезе формирования алкогользависимого поведения // Вестн. угроведения. 2015. № 3(22), С. 119-128.

6. Кудашкин В.А. Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов Сибири во второй половине 1950-х – 1991 гг. (на материалах Иркутской области и Красноярского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 146 с.

7. Строгальщикова З.И. Коренные малочисленные народы России в политике государства: Формирование законодательства и его реализация в постсоветский период // Финно-угорский мир. 2008. № 1 (1). С. 48-63.

8. Кудашкин В.А., Кирютин С.А. Социально-экономическое и культурное развитие коренных малочисленных народов Красноярского края и Иркутской области в постсоветский период в оценках отечественных

исследователей 2000-х гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2015. № 2. С. 77.

9. Кудашкин В.А. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Иркутской области в 1985-2004 гг. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2014. № 4 (18). С. 62-68.

10. Кучинский М.Г. Риторика традиционности и реалии природопользования // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2007. № 33 С. 58-89.

11. Кудашкин В.А., Янющкин С.А. Влияние межкультурного взаимодействия на условия проживания и быт коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 1 (1). С. 59-64.

12. Поворознюк О.А. Культурный ландшафт и адаптация в современных условиях Российского Севера (на примере читинских эвенков) // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2007. № 33. С. 188-208.

13. Снегирева М.А. Программно-целевой метод оказания государственной поддержки коренным малочисленным народам Севера // Изв. С.-Петербур. гос. экон. ун-та. 2012. № 6. С.141-143.

14. Соколова З.П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2002. № 28. С. 61-79.

15. Соколовский С.В. Правовой статус и идентичность коренных народов (по материалам Всероссийской переписи населения 2002 года) // Расы и народы: ежегодник. М.: Наука, 2007. № 33. С. 11-57.

16. Фокина А.Б. Коренные малочисленные народы Севера: перспективы развития // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. 634 с.